

ЧАРЛИН СЭНДС

Майная ночь

HARLEQUIN®

kiss™

Чарлин Сэндс
Тайная ночь
Серия «Поцелуй –
Harlequin», книга 142

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878629

Сэндс Ч. Тайная ночь: роман / Пер. с англ. Л. А. Игоревского:

Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07299-3

Аннотация

Настоящим домом для серой мышки Эммы Блум стала семья ее подруги Брук Макей, брата которой, голливудского сердцееда Дилана, полюбила Эмма. И ночь блэкаута в Лос-Анджелесе она, напуганная до полусмерти, провела, по ее мнению, с ним, после чего забеременела. Но события той ночи почти стерлись из ее памяти. Дилан же, вследствие несчастного случая, в котором погиб его лучший друг Рой, впадает в амнезию. Узнав о ребенке, он женится на Эмме. Ради малыша. Но когда к нему возвращается память, выясняется, что ту ночь с Эммой провел не он, а Рой. Эмма, не споря, собирает вещи и уходит. Будет ли она когда-нибудь счастлива?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Чарлин Сэндс

Тайная ночь

Charlene Sands

One Secret Night, One Secret Baby

© 2016 by Charlene Swink

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Она не девочка для одноразового секса!

Эмма Рей Блум была предсказуемой, трудолюбивой, амбициозной и менее всего авантюрной. Скукота!

Она никогда не выходила за рамки обычного. Педантичная, уверенная в себе и терпеливая.

Скукота вдвойне.

Единственный раз она дала себе волю и пустила по ветру все правила на разгульной вечеринке у соседа Эдди в «Хэвенс» на бульваре Сансет в прошлом месяце. Эдди отмечал тридцатилетие, и Эмма во время пресловутого лос-анджелесского блэкаута, позабыв обо всем, пустилась во все тяжкие и оказалась в постели с Диланом Макеем, старшим братом лучшей подруги Брук и известным голливудским сердцеедом. Она была втайне влюблена в него с двенадцати лет. Мужчина с синими, как море, глазами и пробивавшейся на лице щетиной был добр к ней и стал мериллом оценки для остальных мужчин.

Теперь ту ночь отрицать и забыть нельзя, хотя ее воспоминания о минутах, проведенных с Диланом, оказались крайне скудны. Повезло, называется! Первая и единственная ночь с самым крутым на земле парнем отложилась в мозгу каким-то туманом, густым, как зимний лондонский день. Правда, ей объясняли, что причиной тому может быть неумеренное по-

требление мохито манго.

Сейчас Эмма стояла у поручня палубы на яхте Дилана. Он приблизился к ней: голова перебинтована, скорбное, грустное лицо. Да и день выдался печальный, правда, яркое солнце и поразительно красивые пушистые облака, казалось, об этом не подозревали.

Она надвинула на переносицу темные очки, радуясь, что может скрыть истинные эмоции.

Рой Бенджамен погиб, выполняя каскадерский трюк на съемочной площадке фильма Дилана о «морских котиках», отряде спецназа ВМС США. Трагедия потрясла Голливуд и стала предметом обсуждения в прессе, вытеснив даже истории о случившемся накануне блэкауте – повсеместном отключении электричества. Голливудское общество и прессу потрясли не только смерть Роя, но и амнезия Дилана, случившаяся после взрыва, убившего его друга.

– Вот, выпей кока-колу, – предложила Брук, протягивая Эмме стакан. – Судя по виду, водичка тебе не помешает.

– Спасибо, – кивнула Эмма. – Больше никакого алкоголя, благодарю вас. Подумать, к чему только это приводит! Такой трудный день для всех.

Она пригубила темную жидкость.

Дилан обнял девушек за плечи.

– Я рад, что вы обе сегодня вместе со мной.

Эмма на секунду прикрыла глаза. Она не видела Дилана с ночи блэкаута. Дружеские объятия не должны были вызвать

ощущений, которые вызывали. Не должны!

Она вздохнула. Его рука легонько ласкала ее руки, посылая по телу шоковые волны. Когда яхта выходила из гавани, Дилан слегка качнулся, ударившись о ее плечо своим. У нее перехватило дыхание, и, чтобы не упасть, пришлось вцепиться в поручень.

– Собственно, мы должны находиться здесь, – кивнула Брук. – Рой был и нашим другом, верно, Эмма?

Она коротко улыбнулась Дилану. Какая трагедия, что человек, столь энергичный и сильный, умер молодым! Он был дублером и близким другом Дилана. Эмма знала Роя только через брата с сестрой, он всегда был с ней любезен.

Уголки губ Дилана чуть приподнялись в легкой улыбке, сдержанной и грустной улыбке человека в трауре.

– Мне уже его не хватает.

Он сжал руку, привлекая Эмму к себе. Настоящая кинозвезда: на глазах большие темные очки, светлые волосы развеваются на ветру, тело словно высеченное из камня, благодаря ежедневным тренировкам в фитнес-зале и пробежкам. Король Голливуда, человек, который всю сознательную жизнь умудрялся ускользать от длительных отношений с женщинами. Загорелый, красивый, талантливый и умный, получивший все.

Эмме следовало бы сосредоточиться на смерти Роя. Однако, собираясь утром на его похороны, она репетировала, что скажет, если Дилан вспомнит о случившемся между ни-

ми во время блэкаута.

«Я была не в себе в ту ночь. Блэкаут насмерть меня перепугал. Я с детства боюсь темноты и умоляла тебя остаться со мной. Не можем ли мы просто остаться друзьями?»

Теперь, похоже, обойдется без этой исповеди. Проникающий в душу взгляд синих глаз, затуманенных печалью, как всегда, устремлен на нее. Он видел в ней подругу своей сестры Брук. Ничего больше. И не помнил об их ночи. Доктора называли это диссоциативной амнезией. Есть опасность, что он никогда не вспомнит взрыв, унесший жизнь его друга и ставший причиной того, что осколок шрапнели застрял у него в голове. Он потерял сознание и очнулся в больнице несколькими часами позже.

Дилан отпустил Эмму и стал жадно пить содовую. Она снова задышала нормально. Осторожно отступила от него. Ощущение его руки творило настоящий хаос в мозгу. Сегодня она умудрилась не сказать ему правды. Дьявол за ее плечом постоянно нашептывал:

– Зачем раскачивать лодку?

Умный злодей!

– Это будет твоей маленькой тайной.

Она боролась с собой и дьяволом, пока яхта выходила из Марины-дель-Рей и медленно плыла мимо доков. В ноздри ударил едкий запах моря, над головами кричали чайки, одна белокрылая птица села на причал и спокойно наблюдала, как яхта выходит в открытое море.

– Полагаю, пора, – сказал Дилан, когда они отошли достаточно далеко. Он хотел сделать это в одиночку, в присутствии родных. Позже в его доме на Мунлайт-Бич, открытом друзьям Роя, членам команды и актерам, снимавшимся в фильме, пройдет поминальная служба. Другой семьи у него не было.

Эмме и Брук придется играть роль хозяек на неформальном ужине в память Роя. Мероприятие не из тех, что обычно устраивала «Патиз ту гоу», фирма девушек, но Дилан обратился к ним за помощью.

– Рой всегда шутил, что, если промахнется и не попадет в предохранительную сетку, прыгая с десятого этажа, я просто обязан развеять его пепел с борта «Клэсси леди». Он любил эту яхту, но мне в голову не приходило, что когда-нибудь придется это сделать!

Взгляд огромных глаз Брук смягчился при виде брата, у Эммы болело сердце за них обоих. Они очень разные, однако неизменно сплачивались в тяжелых обстоятельствах. Эмма завидовала им. У нее нет ни братьев, ни сестер, да и семьи не было, если не считать приемных родителей, всячески пренебрегавших девочкой. Да, в случае с родителями она явно не сорвала джекпот. Не то что Брук – младшая приемная дочь в семье, которую родители Дилана со временем удочерили. Удивительные люди. Они стали для Эммы лучшими родителями, чем те двое, которые ежемесячно получали чек с возмещением расходов на ее содержание.

Дилан, прежде чем попрощаться и открыть урну с пеплом, сказал несколько сердечных слов в адрес друга. Ветер разнес прах Роя в море. В глазах Дилана стояли слезы, губы дрожали. Никогда раньше Эмма не видела его таким беззащитным и сейчас судорожно вцепилась в поручень, чтобы не подойти. Ей не место рядом с ним.

Брук подошла к брату и обняла, как мать ребенка, нежно шепча слова утешения. Дилан кивал, слушая сестру. Вытер слезы, а вместе с ними скорбное выражение лица и ослепительно улыбнулся.

Дилан Макей вернулся.

Тем не менее Эмма впервые увидела его таким уязвимым. Это тронуло ее душу.

Кухня Дилана могла бы проглотить ее маленькую квартиру одним махом. Все виды современного оборудования и кухонной утвари были собраны на блестящей стойке с гранитным покрытием и в красивых белых шкафчиках. Просто мечта любого кулинара. Домоправительница Мэйзи знала и умела этим пользоваться. Это она приготовила ужин на пятьдесят с лишним человек, пришедших отдать дань памяти Роя Бенджамена. Кроме того, кейтереры, нанятые Эммой, принесли подносы с закусками, сэндвичами и канапе.

Здесь были все: от рабочих до президента студии «Стейдж уан».

Эмма и Брук в черных платьях почти без отделки предла-

гали гостям еду и напитки. Сегодня они хозяйки Дилана на этом печальном ужине.

– Видела, что надела Каллиста? – едва слышно прошептала Брук.

Эмма поставила блюдо ягодных пирожных с кремом на десертный стол и бросила быстрый взгляд в гостиную, где собрались гости. Каллиста Ли Аллен, дочь могола студии «Стейдж уан», повисла на руке Дилана, внимая каждому его слову. На ней было платье от Версаче. Эмма знала это лишь потому, что подслушала, как хвастается блондинка. Сверкающая серебряная ткань, многослойный покроем и драгоценности, переливавшиеся на шее и руках.

– Вижу.

– По-моему, Рой заслуживает большего. Этот ужин не в ее честь.

– Скажи, что ты действительно к ней чувствуешь, Брук? С тобой она, по крайней мере, разговаривает. Я для нее как невидимка.

Положение подруги сестры Дилана для Каллисты недостаточно высоко, чтобы уделить Эмме хоть крупицу внимания.

– Будь благодарной. Очень благодарной.

Эмма отошла от стола и критически осмотрела дело рук своих. Десертный стол задрапировали цветными скатертями и декорировали каждое блюдо цветущими лозами. Все выглядит лучше некуда.

– Это не мое дело, но не стоит Дилану снова заводить с

ней легкий романчик, – заметила Брук.

Эмма снова бросила взгляд в сторону парочки. Каллиста с видом собственницы цеплялась за его руку. У нее даже хватило нахальства потрогать бинт на месте раны. Дилан в это время был поглощен разговором с ее отцом и, похоже, совсем не замечал девицу.

Втянув в себя воздух, Эмма отвела глаза и постаралась подавить уколы ревности. Нужно быть последней душой, вообразив, будто у нее есть какой-то шанс с ним. Он – друг. Точка.

– Он уже большой мальчик, Брук.

– Никогда не думала, что скажу это, но, слава богу, мой брат никому не давал обещаний. Она совершенно ему не подходит.

Брук резко вскинула руки.

– Да, не мое это дело.

Эмма улыбнулась подруге и добавила последние штрихи к десертному столу. Мэйзи приготовила кофе, там же стояли горячая вода и коробка с образцами всех имевшихся сортов чая.

Подошел Дилан, шикарный, в темном, сшитом на заказ костюме и галстуке.

– У вас найдется минутка для меня? – Он вопросительно вскинул брови.

Девушки кивнули, сгорая от любопытства, и он отвел их в дальний конец кухни от посторонних ушей.

– Сегодня вы просто превзошли себя. Спасибо, – начал он, но тут же покачал головой. – Полагаю, вы выскажетесь без обиняков. Мы с Каллистой снова вместе?

Эмма затаила дыхание. Она не станет высказываться о крашеной блондинке. Дилан не слишком откровенничает с ней насчет своей личной жизни, но этот серьезный вопрос заставил ее корчиться от угрызений совести. Ей тоже нужно сказать ему правду, и, возможно, это подстегнет его память, но как тогда сложатся их отношения?

Брук уже хотела ответить, но тряхнула головой, словно пытаясь сформулировать мысли.

– Ты не помнишь?

– Нет. Но она ведет себя так, словно мы уже на пути к алтарю. Судя по тому, что я помню, этого не было. Я ошибаюсь?

– Нет, определенно не ошибаешься, – выпалила Брук. – Ничуть не ошибаешься. До несчастного случая ты сказал, что собираешься порвать с ней навсегда.

– Правда? Не помню.

Бедный Дилан продолжал мучиться вопросами. Его взгляд упал на широкие окна, выходившие на море, словно ответы именно там. Сейчас он, похоже, окончательно растерялся. Куда девались его обычная самоуверенность, обаяние, стремление быть всегда на шаг впереди других?

– Если она говорит, что между вами есть что-то большее, Дилан, я бы на твоём месте была осторожнее, – заметила

Брук. – Она пользуется твоей амнезией, чтобы пролезть к тебе.

Дилан повернулся к сестре и, вскинув брови, криво улыбнулся:

– Куда именно?

– Завоевать твое расположение, – пояснила за Брук Эмма.

Дилан понимающе ухмыльнулся:

– Ты всегда была дипломатом, Эм. Но не думаю, что Брук имела в виду именно это. Ладно, я все понял.

Он посмотрел в сторону Каллисты, которую окружили актеры, игравшие в этом фильме. Во время разговора она то и дело украдкой бросала на него взгляды, словно хотела закрепить свою победу.

Брук права, Каллиста никак не подходит Дилану. Как ни трудно ему даются воспоминания, ее истинные чувства разгадать несложно.

– Вы единственные, кому я могу доверять, – вздохнул он, потирая лоб под бинтами. – Не могу описать, как все это неприятно. Кое-что вижу ясно. Остальное как в тумане. А есть целый пласт, который не могу вспомнить.

Эмма плюхнула в стакан три кубика льда и налила ему корневого пива, которое он любил с детства.

– Вот, выпей.

– Спасибо, хотя сейчас бы не помешало что-то покрепче.

– Доктор пока не разрешает. Ты еще пьешь обезболивающее, – ответила Брук тоном строгой матери. Как приятно

видеть, что эти двое очень сблизились после переезда в Лос-Анджелес из Огайо.

– Немного выпивки меня не убьет.

– Давай не будем проверять, ладно? Я так переволновалась, когда тебя положили в больницу. А мама вернулась домой только два дня назад. Если я позвоню ей и скажу, что ты снова в больнице, у нее случится сердечный приступ.

Дилан закатил глаза.

– Видишь, как она хороша, Эмма, точно знает, как надавить на совесть.

– Мне все известно о тактике Брук, – усмехнулась Эмма. Я с ней работаю.

– Эй! – воскликнула Брук. – Ты должна быть на моей стороне!

– Как я сказал, Эмма – дипломат. Спасибо за пиво.

Он поднял стакан в шутливом тосте, повернулся и отошел.

– У него все будет хорошо, – заверила Брук, провожая его взглядом. – Просто нужно делать все возможное, чтобы помочь ему.

Желудок Эммы свело от тоски и страха. Теперь утаивать что-либо от Брук невозможно. Обычно они делились всем. Но она не может вот так, ни с того ни с сего, признаться: «Я упростила твоего брата переспать со мной в ночь блэкаута и сейчас помню лишь тяжесть его тела на моем, жаркое дыхание и непристойности, которые он шептал мне на ухо».

Она не помнила, как легла в постель, когда он ушел той ночью. Не могла вспомнить, чем все закончилось. Были ли его прощальные слова признанием огромной ошибки? Или он пообещал позвонить? Он понятия не имел о том, что они делали, но, боже, она тоже плохо соображала той ночью.

– О господи, – проямлила она.

– Что?

– Ничего. Совсем ничего.

– Брук, ты сегодня проделала огромную работу, – заметила Каллиста с улыбкой на миллиард долларов, опираясь на гранитный островок и выпячивая напоказ грудь.

Солнце зашло, и почти все, кроме нее, уже ушли.

– Ты облегчила день твоему брату.

И не только я, Калли. Эмма взяла на себя половину работы, и мы были на все готовы, лишь бы помочь Дилану пережить этот день.

Взгляд Каллисты метнулся к Эмме, словно она только сейчас заметила девушку.

«Привет, я не невидимка».

– Конечно, и ты тоже, Эмма, – пропела Каллиста тоном, которым обычно говорят с детьми. Почему богатые влиятельные женщины так остро чувствуют свое превосходство? По праву больших денег? – Великолепная работа.

– Дилан – мой друг, и я счастлива помочь.

Каллиста коротко кивнула, смирив Эмму взглядом, слов-

но решая, стоит ли с ней соперничать, и отвернулась, очевидно списав ее со счета.

– Брук, не знаешь, где Дилан? Хочу попрощаться с ним и сказать, что его надгробная речь была трогательной.

– Знаю. Он просил попрощаться за него. Очень устал и ушел спать пораньше.

– Уже в постели?

Каллиста выпрямилась и взглянула в сторону лестницы, поскольку точно знала, где находится спальня Дилана.

– Может, я поднимусь и пожелаю ему спокойной ночи?

– Э! Его нельзя беспокоить. Приказ доктора, – заученно улыбнулась Брук, от чего Эмми захихикала про себя. Предоставим Брук защищать брата!

– Да, конечно, ты права.

Каллиста прикусила губу и бросила взгляд, полный желания, в сторону лестницы, при этом изменившись в лице.

– Ему действительно нужно отдохнуть, чтобы как можно скорее вернуться на съемочную площадку.

Съемки картины о морском спецназе были прерваны на неделю, студия несла большие расходы, поэтому возвращение Дилана было жизненно важным. Даже Каллиста это понимала.

– Передай, что я ему позвоню.

– Обязательно, Калли. Я тебя провожу.

– О, это необязательно.

– Ничего страшного.

После их ухода Эмма не смогла сдержать смеха, точно зная, что Каллиста Ли Аллен ненавидела, когда ее называют Калли. Однако ничего не сказала Брук, потому что та сестра Дилана.

Ну и денек выдался! Эмма эгоистично радовалась тому, что он закончился, поскольку не нравилось терзаться угрызениями совести. Она надеялась, что пословица «С глаз долой – из сердца вон» точно соответствует ей. Как только уедет из дома Дилан, возможно, голова прояснится, и она избавится от угнетающих мыслей и внутреннего голоса, требовавшего рассказать, что между ними произошло.

Покончив со своими обязанностями и зная, что в доме все приведено в порядок благодаря им с Мэйзи, Эмма уселась на белый кожаный диван в гостиной и засмотрелась в окно на небо, расцвеченное красками заката, откинулась на спинку и закрыла глаза, прислушавшись к шуму прибоя.

– Миссия выполнена! – воскликнула Брук, захлопав в ладоши. – Она убралась!

Эмма мигом встрепенулась:

– Ты настоящая мама-медведица! Кто бы мог подумать!

– Вообще Дилан в состоянии сам о себе позаботиться, но сейчас нуждается в небольшой помощи. А для чего еще нужны надоедливые младшие сестры?

– Ясное дело, чтобы держать подальше приставучих женщин!

– Делаю все, что могу.

Брук положила ноги на журнальный столик и вздохнула:

– Жду не дождусь турнира по гольфу среди звезд. Это одно из самых важных мероприятий, которые мы когда-либо проводили. И действуем сами! Никакого вмешательства Дилана. Они даже не знают, что он мой брат! И он не играет в гольф.

– Не играю?

Очаровательно взъерошенный Дилан в черных спортивных брюках и белой майке вошел в комнату. Пробивавшаяся щетина, картинно спутанные волосы и чувственный взгляд синих глаз доконали Эмму.

– Не играешь? – пробормотала Брук, настороженно оглядывая брата.

– Шучу, – ухмыльнулся тот, – конечно, не играю. По крайней мере, точно помню, что ни разу не попал в лунку. Никогда не понимал смысла игры.

– Балбес. Что это ты встал?!

Он длинно вздохнул и провел рукой по лицу.

– Не могу заснуть. Пойду прогуляюсь. Пока. Еще раз спасибо за все.

Брук открыла рот, но он уже выскочил за дверь.

– Черт, у него по-прежнему приступы головокружения. Не пойдешь с ним, Эмма? Скажи, что тоже хочешь прогуляться. Он считает, что я слишком ношусь с ним.

Эмма замялась. Она уже хотела ехать домой.

– Я... э-э-э...

– Пожалуйста! – взмолилась Брук. – В твоём присутствии он не решится на бег трусцой. Я знаю, ему очень хочется. Постоянно жалуется, что не делает пробежек. На берегу почти темно. Он может упасть, и никто этого не узнает.

Это правда. Доктор сказал, что ему нельзя переутомляться. И разве можно волновать Брук? Она и так умирает от страха за брата.

– Ладно, пойду.

– Вот почему я тебя люблю!

Эмма сняла туфли на каблуках и поднялась.

– Ещё бы не любила. Я не гоняюсь за кинозвездами ради абы кого!

С этим она вышла черным ходом, спустилась, поискала глазами Дилана и побежала, заметив, как далеко тот успел уйти.

– Дилан! – окликнула она, догоняя его. Пальцы ног утопали в прибрежном песке. – Подожди!

Он обернулся и замедлил шаг.

– Не возражаешь против компании? – Эмма тяжело дышала. – Мне тоже захотелось прогуляться.

– Сейчас угадаю. Это Брук тебя послала.

Она пожала плечами:

– Может, мне захотелось подышать свежим воздухом!

Он с сомнением улыбнулся:

– Ну да, а луна зеленая.

– Все знают, что луна сделана из сыра, и потому она жел-

тая.

Дилан покачал головой и скептически усмехнулся:

– Ладно, давай пройдемся. Честно говоря, я рад твоему обществу.

Он взял ее руку. Их пальцы переплелись.

Неожиданно.

Дыхание замерло в ее груди.

– Прекрасная поминальная служба, правда? – спросил он, снова пустившись в путь.

Легкое пожатие руки вывело Эмму из ступора. Она пошла рядом.

– Просто сердце согрела. Ты почтил память Роя прекрасной речью.

Я единственная семья, которая у него была. Если не считать команды каскадеров. Он был замечательным парнем, и очень жаль, что все так окончилось. Рой был одержим трюками. Жизнь положил на то, чтобы их совершенствовать. И ведь был самым осторожным человеком из всех моих знакомых. Просто непостижимо!

– Говорят, это был несчастный случай.

Дилан втянул в себя воздух.

– Так говорят всегда, когда не знают, что случилось в действительности. Стандартный ответ.

Несколько минут они шли молча. Жар его руки согревал ее. Идеальный вечер для прогулки по пляжу. Ветер пытался растрепать узел волос у нее на затылке. Эмма развязала

ленту, высвободив длинные волнистые пряди, доходившие до середины спины.

– Расскажи мне, что происходит в твоей жизни, Эмма.

Она удивленно вскинула брови. Дилан знал о ней почти все. Она подруга и деловой партнер Брук. Живет в крохотной квартирке в двадцати минутах от Мунлайт-Бич. Любит работу и почти все время сидит дома.

О нет! Он что-то вспомнил?

Кровь отлила от лица при мысли о том, что он мог вспомнить подробности той ночи. Но когда Эмма осмелилась взглянуть на его профиль, оказалось, он не пожирает ее глазами, а смотрит прямо перед собой, с прежним бесстрастным выражением. Она облегченно вздохнула. Может, ему просто хочется поговорить? Прервать молчание? Или всему виной ее больная совесть?

– Все по-прежнему. Работа, работа, работа.

– Все еще надеешься накопить первый миллион до тридцати лет?

Ее смех получился немного визгливым. Должно быть, Брук рассказала ему о ее давней мечте. Как стыдно!

У нее всю ее жизнь с деньгами плохо. Приемные родители были бедны, к тому же скупы. Она не знала этого, пока не выросла и не увидела, как они тратят все, что имеют, друг на друга. И никогда на нее. Сама она все детство и отрочество носила одежду из секонд-хенда, работала как проклятая, получала полную стипендию в колледже и поклялась, что ко-

гда-нибудь станет финансово независимой. Пообещала себе накопить первый миллион к тридцати годам. До тридцати еще несколько лет, но есть надежда, что их компания «Патиз ту гоу» обязательно расширится и получит большую прибыль.

– Твоей сестре, моей лучшей подруге, нужно бы застегнуть рот на все пуговицы.

– Не вини Брук. Думаю, что иметь цели – это прекрасно.

– Чересчур высокие цели.

– Вполне достижимые цели, и ты много работаешь, Эмма.

– Без твоих инвестиций у нас бы даже не было бизнеса.

– Я лишь помог начать дело, а уж вы за два года многого добились.

– Мы тебе обязаны, Дилан. Ты наш спаситель. Мы хотим, чтобы ты нами гордился.

Дилан остановился. Кроссовки почти зарылись в песок. Он повернулся к ней с самой искренней улыбкой. Печаль, таившаяся в глазах, исчезла.

– Вы ничем мне не обязаны. А я горжусь вами. Ты прекрасный работник и выплачиваешь долг быстрее, чем я того ожидал. Кроме того, я хотел сказать тебе, пусть ты веришь, что Брук помогла тебе в юности, ты тоже помогла ей. Она приехала в Калифорнию, надеясь стать актрисой. Но это очень тяжелый бизнес. Мне повезло больше, чем я надеялся. У Брук все по-другому. Теперь она успокоилась, ведет бизнес с лучшей подругой, зарабатывает, делая то, что ей нра-

вится. И этим я обязан тебе. Так что спасибо за то, что ты есть ты.

Дилан наклонился так, что их лица оказались совсем рядом. У Эммы тревожно забилося сердце, когда она смотрела на его рот, понимая теперь, почему поклонницы млеют при одном появлении Дилана. Он в состоянии разбить сердце любой девушки.

– Ты удивительный человек. Эмма.

У нее голова пошла кругом.

Я?

Он шагнул еще ближе, обнял ее, наклонил голову, и она почти успокоилась. Конечно, он по-братски поцелует ее в щеку.

Она закрыла глаза.

Но теплые губы прижались к ее губам.

Ох! Она умерла и попала в рай.

Эмма обняла его и дерзко ответила на поцелуй.

Все это так ново! И волнующе!

Дилан Макей целует ее на Мунлайт-Бич на закате солнца, и на этот раз она прекрасно это осознает. Никаких провалов в памяти. Ничего, кроме этого мгновения, прямо сейчас.

Эмма наслаждалась вкусом поцелуя, изумительно упругими губами, ласкающими ее губы, силой и мощью его тела.

Но что-то не так в этом поцелуе. Только что? Непонятно. Может, потому, что она полностью в сознании, сосредоточена только на нем?

Дилан отстранился первым и, вместо того чтобы отступить, крепко прижал Эмму к груди, как малыш, нуждающийся в тепле любимой плюшевой игрушки. Зайца или мишки.

Она долго стояла в его объятиях. Он со вздохом продолжал удерживать ее. Потом его губы коснулись мочки ее уха.

– Спасибо. Сегодня я нуждался в твоей компании, – прошептал Дилан.

А что она могла сказать? Неужели будет так глупа, что подумает, будто он помнит ночь их страсти и хочет большего? Нет, дело не в этом. Он нуждается в утешении. Может, то, что она посчитала поцелуем, растопившим сердце, на самом деле всего лишь дружеское утешение для человека, жизнь которого полна женского обожания. По крайней мере, это она может ему дать.

Ее секрет надежно сохранен.

– Не за что, Дилан, Рада помочь.

Глава 2

Дилан явно не в себе. Именно этим можно объяснить, почему он поцеловал Эмму словно всерьез. Хотя в тот момент это было всерьез. Она знакома ему. Он знает ее положение. Положение лучшей подруги Брук, которой он может доверять. Той, на кого можно положиться. Лекарства, которые он принимал, подавляли головную боль, и он с каждым днем чувствовал себя все лучше. Однако частичная потеря памяти повлияла на способность принимать решения и уверенность в себе, вселяла беспокойство и делала уязвимым.

Правда, в одном он был уверен: поцеловав Эмму, он почувствовал настоящее облегчение. Лучшего поцелуя у него еще не было. Дилан точно знал это. Большие зеленые глаза, сверкавшие как изумруды, не могут причинить зла. Он нуждался в этом, чтобы вновь обрести цельность души. Ощутить себя в своей тарелке.

Неужели все это случилась из-за одного не слишком страстного поцелуя? Да. Он целовал Эмму и отлично знал границы, до которых может дойти. Она неприкосновенна, мила, а иногда бывает и бойкой. Поэтому он поцеловал ее, позволив сладости, пропитавшей девушку, наполнить его и унять сердечную боль.

– Ты что-то притихла. Тебя обидел поцелуй?

– Нет. Вовсе нет. Ты нуждался в ком-то.

Он снова накрыл ее руку своей и осторожно сжал.

– Не просто в ком-то, Эмма. Мне был нужен кто-то, кому я могу довериться. Ты. Прости, если поступил неосторожно.

– Вовсе нет.

Но в ее голосе не было уверенности.

– Это всего лишь поцелуй, Дилан. Ты ведь и раньше меня целовал.

– Именинные поцелуи не считаются.

Несколько секунд она молчала.

– В молодости ко мне относились без любви, Дилан. Так что именинные поцелуи много для меня значат.

Он снова сжал ее руку.

– Знаю. Помнишь поцелуй с тортом?

– О боже, не напоминай, Дилан! Мне по-прежнему ужасно стыдно. Твои родители так старались приготовить для меня этот торт!

Он, фыркнув, представил тот день.

– Черт, это было смешно.

– Во всем виноват ты!

Дилан улыбнулся еще шире. И стереть с лица улыбку не получалось. По крайней мере, он помнит события давно прошедшего времени.

– Почему это я?

– Расти – твоя собака, верно? Он запутался у меня в ногах, и в тот момент я поняла, что лучше упасть лицом в торт, чем на собаку. Я бы просто раздавила малыша чихуахуа, если бы

рухнула на него всей массой.

– Сколько тебе было тогда лет? Двенадцать?

– Да! На торте, который я раздавила, так и было написано.

Дилан снова фыркнул:

– По крайней мере, ты его попробовала! У тебя все лицо было в креме! Остальным довелось только посмотреть! Но оно того стоило.

– Тебе не следовало целовать меня прежде, чем твоя мама вытерла мне лицо. Тогда, может быть, ты не чувствовал бы себя обделенным. Знаешь, торт был очень вкусным. С шоколадной глазурью.

– О, не волнуйся, Эм, я не был обделен!

Она резко остановилась, утопая ногами в песке. Выдернула ладошку и сложила руки на животе.

– Что все это значит? Ты наслаждался, наблюдая, как я валяюсь лицом в торте?

Притворная гримаска на ее лице снова вызвала волну облегчения, которого он не испытывал уже больше недели, с самого несчастного случая.

– О, бросьте, мисс королева драмы! Это было много лун назад.

И да, он знал каскадеров, включая Роя, которые не могли бы сделать лучшего падения лицом в торт. Это было уморительно смешно.

– Я? Королева драмы? Вот уж не думаю. Я стою здесь, глядя на настоящего короля драмы. Мистер владелец двух

«Оскар» и одному Богу известно скольких «Золотых глобусов»!

– Трех.

– Трех. – Эмма закатила глаза к небу.

Он подошел ближе, схватил ее за руку и потянул за собой. Ему нравилась Эмма Рей Блум. Жизнь у нее была нелегкой, без настоящих родителей, а приемные обращали на девочку мало внимания. Только по милости судьбы она стала лучшей подругой его сестры и, следовательно, членом клана Макеев.

Они находились почти у его дома. Солнце садилось, и на берегу было тихо, если не считать шума прибоя. Лунный свет отражался в воде и мокром песке. Дилан повернулся к Эмме:

– На этой неделе тебе удалось то, что не удалось многим, Эм. Ты вернула улыбку на мое лицо.

Ее маленький подбородок гордо вскинулся, и он подавил порыв снова обнять ее. Поцеловать эти губы, ощутить густоту и шелковистость волос.

Эмма совсем миниатюрная, особенно без каблуков, и так отличается от высоких стройных моделей и актрис, с которыми он обычно встречался.

Он больше не поцелует ее. Удивительно другое, почему так сильно хочет этого.

Дилан поджал губы и решил следовать интуиции.

– Эй, знаешь, у меня впереди благотворительная акция. Если доктора разрешат, я бы хотел, чтобы ты поехала со

мною в «Чилдренз уэст хоспитл».

Эмма отвернулась от него и стала смотреть на море.

– Хочешь, чтобы я поехала с тобой?

– Да.

– Разве подобных целей у тебя для нет секретарей и агентов?

– Эм!

– Что?

Он сунул руки в карманы и пожал плечами:

– Если откажешься, я не обижусь.

Она резко повернула голову. Глаза казались яркими точками на фоне темного неба.

– Почему именно я?

– Хочешь правду? Сейчас я немного сбит с толку, а иметь рядом друга, значит, чувствовать себя в безопасности. Я не выходил на люди после несчастного случая. Кроме того, уверен, что тебя полюбят дети. Мы с Брук тебя просим.

– Вот как? Эти дети, они что, все больны?

– В основном да. Но многие уже выздоравливают. Через несколько дней я должен снять проморолик с этими ребятами, чтобы собрать больше денег и показать, сколько добра делает больница. Я немного пожертвовал на новое крыло для нее, наверное, поэтому меня и попросили.

– Ты пожертвовал миллион триста тысяч. Я читала в Интернете. Новое крыло будет прекрасным. И комната с интерактивными играми для детей.

– Ну, что скажешь?

– Конечно, поеду.

– Спасибо, Эм. Давай зайдем в дом, прежде чем Брук снарядит за вами поисковую экспедицию.

Смех Эммы зазвенел у него в ушах и снова заставил улыбнуться.

Эмма завершила телефонный разговор с миссис Алмой Монталво, поставила локти на письменный стол и опустила голову. Клиентка требовала самых мельчайших деталей и за два долгих вечерних часа в среду совершенно истощила ее энергию. Да, они нашли местный оркестр, который сыграет пятьдесят мелодий. Да, они арендовали «шевроле» 1957 года, и он будет припаркован в начале многоступенчатого газона для дополнительного эффекта. Да, у них будет кабинка фотографа, снабженная кожаными куртками, широкими юбками-солнце и значками автоклуба для гостей, которые захотят сфотографироваться. Да, да, да!

Слава богу, вечеринка назначена на вечер субботы. После того как все кончится, они с Брук заберут у миссис Монталво чек на кругленькую сумму и скажут:

– До встречи, детка! «Патиз ту гоу» может удалиться!

Дверной звонок разлился трелью классической мелодии Лесли Гор «Это моя вечеринка». Эмма подняла глаза. Вошла Брук:

– Эй, я думала, ты сегодня пойдешь домой пораньше.

– Я тоже так думала, но у миссис Монталво сложилось иное мнение.

Брук закатила глаза:

– Мы сумеем ее впечатлить, Эмма. Вечеринка пройдет по высшему разряду.

– Твои бы слова! Я потратила на нее бог знает сколько времени.

Брук рассмеялась и поставила на стол пакеты с покупками. Мебель в офисе была сборной, зато яркой и легкой, чтобы донести до клиентов атмосферу праздника. Столы из прозрачного плексигласа, стены раскрашены цветной пастелью, на старых стульях обивка с цветочным узором. Стены украшали фото с устроенных ими вечеринок и мероприятий, от танцев на местных ранчо до богатых изысканных свадеб с приглашенными знаменитостями (приезжавшими благодаря Дилану, конечно).

Они нанимали двух помощников на неполный рабочий день, те приходили после школы и по выходным, чтобы отвечать на телефонные звонки, наводить справки по Интернету и при необходимости работать на вечеринках.

– Взгляни на это. – Брук достала из пакета коктейльное платье цвета мокко. – Разве не идеально? Купила в маленьком магазинчике на Бродвее.

– Просто роскошно! И не черное! Держу пари, это для обеда в Сан-Диего по случаю турнира в гольф, верно?

– А вот и нет. Никогда не догадаешься!

Эмма мысленно перебрала список предстоящих мероприятий, но ничего не обнаружила.

– Не заставляй меня гадать! Расскажи!

Брук поднесла к себе платье, прижала в талии и закружилась, в точности как раньше, когда они надевали материнские наряды и изображали принцесс, готовых к встрече с принцами.

– У меня свидание! – пропела она, притопнув ногой.

Событие вроде не монументальное, но Брук редко встречалась с мужчинами. Окончив колледж, подруги сосредоточились на бизнесе. Кроме того, она очень разборчива в знакомствах. Так что дело действительно важное, судя по мегаваттной улыбке на ее лице в стиле «бульвар Сансет».

– Дело в том, что он не знает, кто я.

Вернее, не знает, кто ее брат. Большинство мужчин и женщин интересовались Брук только потому, что Дилан ее старший брат. Это очень расстраивало Брук, поэтому она с подозрением относилась к людям, набивавшимся в друзья. Никогда не была уверена в их искренности.

– Нет, конечно, он знает, что меня зовут Брук. Мы встретились в кафе «У Адели». Оба заказали еду на вынос и ждали, пока принесут заказ. Ждать пришлось вечность. Но в результате никто из нас не возразил.

– Когда это произошло?

– Вчера.

– И ты ничего не сказала?

Разве это не нарушение всех правил дружбы?

Я не знала, позвонит ли он.

Она последний раз прижала к себе платье, прежде чем осторожно уложить в специальную коробку.

– Он позвонил сегодня утром и пригласил на следующий уик-энд. И учти, он хотел видеть меня раньше, но я рассказала о мероприятии в этот уик-энд, и он казался искренне разочарованным. Скажи, что на следующий уик-энд у нас ничего нет. Турнир по гольфу через три недели, верно?

Эмма вывела на экран компьютера календарь.

– Верно, но ты так взволнована, что даже будь у нас мероприятие, я бы отпустила. Никогда не видела тебя такой взвинченной. Как его зовут?

– Ройс Брисбейн. Занимается финансовым планированием.

Эмма прикусила губу, чтобы не хихикнуть:

– Ты и белый воротничок?

– Да, но он волшебным образом выглядит в костюме.

– Вот это да, Брук! И тебе действительно нравится этот парень. Ты даже по магазинам пошла!

Брук терпеть не могла магазины. В ее арсенале был всего один цвет – черный, и она каждый день носила его как доспехи.

– Думаю, он мне нравится. Очень. С ним так легко говорить. У нас много общего.

– Жажду подробностей.

Получив подробное описание Ройса Брисбейна, Эмма по пути домой долго думала о будущем свидании Брук. Нужно признать, судя по словам подруги, выглядит он неплохо. Если он сделает ее счастливым, Эмма обеими руками «за». Она месяцами не видела улыбки Брук.

Это может быть как очень хорошо, так и очень плохо. Очень. Чем больше кого-то любишь, тем сильнее этот кто-то может потенциально ранить тебя. Но Эмма не проколет воздушный шарик счастья Брук. Подруга достойна всего самого лучшего.

Эмма припарковалась у своего дома и вышла из машины. Сегодня ноги ее не держали. Она едва сумела перейти двор и добраться до двери. Налегла всем телом на застревающую дверь и с удовольствием взглянула на свой удобный диван с мягкими подушками и покрывалом, на котором можно свернуться. Бесцеремонно швырнула сумочку на журнальный столик. Уселась на диван и облегченно вздохнула.

В голове вертелись сотни деталей, в основном, будущего мероприятия в честь турнира по гольфу. До него еще несколько недель, но для бизнеса это замечательная возможность.

Она снова мысленно проверила, не забыла ли чего, прежде чем расслабиться.

Удостоверившись, что вроде ничего не забыла, положила голову на валик и вытянула ноги, позволив мягким подушкам нежить уставшее тело.

Если бы она могла хоть ненадолго забыться и ни о чем не думать!

Иногда Эмма завидовала людям, способным отсечь от себя тревожные мысли. Просто существовать.

Она вечно обдумывала все мелочи своей работы, а вот забыться не получалось.

Она вдруг снова вспомнила погребальную церемонию Роя Бенджамена и мгновенно сосредоточилась на Дилане. Как он обнимал ее на берегу. Что она чувствовала, когда он властно накрыл ладонью ее ладонь, а его губы прижимались к ее губам. Это отнюдь не именинный и не дружеский поцелуй. Хотя Дилан, кажется, именно так и подумал. Для нее это нечто большее.

Воспоминания тронули сердце и заполнили места, где гнездилось одиночество.

Она улыбнулась.

Пусть этому никогда не суждено случиться, но часть ее фантазий осуществилась. Дилан занимался с ней любовью, и это было прекрасно! Да, Эмма не уверена насчет «прекрасно». Она настолько отключилась, что не знала, хороший он любовник или нет. Но в мире ее фантазий Дилан был лучшим. Журнал «Эппил» тоже так утверждал, называя его самым сексуальным холостяком этого года. Тут же были подтверждения его бывших подружек. Значит, это правда.

Веки Эммы отяжелели. Так трудно держать глаза открытыми, когда завернута в покрывало, а тело нежится на мяг-

ких подушках!

Поэтому она прекратила борьбу и отдалась дремоте.

Тр-р-р-р! Тр-р-р-р! Тр-р-р-р!

Эмма вскочила, озираясь. Она на диване, прикрыта любимым покрывалом. И сколько проспала?

Прищурившись, она глянула на настенные часы. Половина девятого. Вот это да! Полтора часа! Раньше она никогда не спала вечером!

Тр-р-р-р! Тр-р-р-р-р-р! Тр-р-р-р!

Телефон зазвонил снова. Они нашарила его в сумке и поднесла к уху:

– Алло.

– Привет!

Дилан. Нельзя ошибиться. От его глубокого баритона млела половина женского населения из числа поклонниц кино.

– О, привет!

Она пошевелилась, поставила ноги на пол и покачала головой, прогоняя сон.

– Я тебя не разбудил?

Неужели у нее такой сонный голос?

Она постаралась сделать вид, что не спала.

– Вовсе нет.

– Занята?

– Нет, просто сижу, перебираю в уме детали мероприятия.

Тут она некстати зевнула и поспешно прикрыла рот ладо-

нюю.

– А ты что делаешь?

– Ничего особенного. Говорил по телефону с Дарреном, и мой менеджер пообещал сегодня вечером приехать, навестить меня. Честно говоря, я уже устал от безделья.

– Ты же привык к постоянной работе.

– Не могу дождаться, когда вернусь на площадку. И в то же время чего-то опасаясь.

– Понимаю, это из-за Роя. Как-то странно каждый день приезжать на площадку, зная, что его больше нет, а ты продолжаешь жить.

– Почему ты так умна, Эм? Видишь меня насквозь.

– Полагаю, мне повезло оказаться первой в очереди, когда раздавали мозги.

Она прикусила губу. Ей все еще было неловко говорить с Диланом, тем более что черное облако по-прежнему висело над головой и не давали покоя угрызения совести. Почему он вдруг оказался ее лучшим другом? Неужели осколок шрапнели в голове изменил его приоритеты? Они всегда очень сердечно друг к другу относились, но с тех пор, как стал знаменитостью, он не слишком нуждался в ее обществе. А теперь вдруг ведет себя так, словно они лучшие приятели.

Наверное, он еще не в себе. Мозги на место не встали. И нуждается в ком-то, кому может доверять. Как только станет прежним, все изменится. В этом нет сомнений. Дилан очень занятой человек, за которым гоняются поклонники и журна-

листы. И у него столько возможностей для работы.

Она поморщилась.

«Не привыкай к его вниманию, Эмма».

– Не буду тебя задерживать, – сказал он наконец. – Я звоню, чтобы подтвердить наше свидание.

Свидание? Неудачный выбор слов.

– Ты имеешь в виду поездку в больницу?

– Да, в пятницу утром. Ничего, если я заеду за тобой в девять?

– Конечно! Я все еще не уверена в моей роли во всем этом, но счастлива помочь.

– Ты и помогаешь. Помогаеть МНЕ.

Он сказал это так искренне, что сжалось сердце. До Эммы дошло, что он не только возвращается к работе, которой отчасти боится, но и впервые выходит на публику, ожидающую увидеть Дилана Макея в его настоящей форме. Это явно его беспокоит. Он не знает, готов ли к этому, и нуждается в поддержке сестры и подруги.

– А ты сможешь изменить множество детских жизней.

– Надеюсь. Увидимся около девяти, Эм. Сладких снов.

– И тебе тоже.

Эмма отключила телефон и несколько минут сидела, вновь перебирая в памяти разговор. Нужно перестать думать о Дилане Макее. Обычно ее занимали мысли о еде. Но как ни странно, она не голодна. Мало того, при одном воспоминании о еде желудок переворачивался. Пришлось взять теле-

визионный пульт. Она нажала кнопку, и маленький плоский экран осветил темную комнату. Местный канал транслировал фильм. Эмма устроилась удобнее, подняла ноги на журнальный столик и уставилась в экран, на котором возникло красивое лицо Дилана Макея. Его чувственные синие глаза смотрели в хорошенькое личико Софи Адаме, последней милашки Голливуда. Ковбой и его девушка готовились ехать на закат. Крупным планом взят заключительный поцелуй, и что-то холодное и болезненное пронзило сердце Эммы, когда губы влюбленных слились.

Она поспешно выключила телевизор, но это не успокоило. Почему она не может отделаться от Дилана?!

Влюбиться в того, кто никогда не будет тебе принадлежать – романтическое самоубийство. Она не так глупа.

Нужно просто преодолеть порывы сердца.

Конец истории.

Эмма была готова ровно в девять и, когда прозвенел звонок, бросила поспешный взгляд в зеркало, проверяя, в порядке ли прическа, белоснежные брюки и розовый блейзер, надетый поверх топа в горошек. На шее красовался крохотный медальончик, в ушах серебряные сережки-гвоздики, на запястье модные большие часы. Она хотела выглядеть профессионально, но при этом не показаться детям недоступной.

Эмму била дрожь. Сегодня она не только встретится с Ди-

ланом, но и будет рада увидеть детей, зная, как трудно им оказаться вне привычного общества. Она сама из таких ребяташек. Повезло еще, что она была здорова, но тем не менее другой, не такой, как все, нелюбимой и нежеланной, и никогда не чувствовала себя так, словно нашла свой дом и место в жизни.

Сегодня все для детей.

Эмма открыла дверь и сразу забыла обо всех благородных мыслях при виде Дилана. Она ожидала увидеть его водителя. Но перед ней стоял сам Дилан во плоти и без повязки на голове. Рано или поздно шрам сгладится, но пока он придавал ему более мужественный, опасный, неотразимый вид. Одетый в новые джинсы и куртку цвета загара поверх белой рубашки, он улыбнулся ей:

– Доброе утро. Классно выглядишь.

Зато она чувствовала себя отнюдь не классно. Проснувшись бледная, как привидение, и совсем ослабевшая, поскольку всю ночь металась без сна.

Однако его комплименты действовали благотворно. Дилан знает, на какие кнопки нажать, чтобы женщина упала к его ногам. А с ней можно даже не пытаться, и так все получится.

– Спасибо. Брук с тобой?

Он покачал головой:

– Сегодня утром у Брук откололся зуб. Они в панике позвонила мне и сказала, что должна немедленно все уладить,

Полагаю, дело в вашем завтрашнем мероприятии. Так что у нее через двадцать минут жаркое свидание со стоматологом.

Вернее, жаркое свидание с Ройсом на следующей неделе. Не может же она идти на свидание без зуба.

– Ой! Бедная Брук.

– Она не звонила тебе?

Эмма вынула из сумочки телефон и глянула на экран:

– Звонила! И попала на голосовую почту. Я, возможно, была в душе.

Глаза Дилана блеснули. Взгляд прошелся по телу Эммы. Господи, да он флиртует, сам того не сознавая.

– Я готова. Или хочешь зайти?

О боже. Неужели она действительно пригласила его? Когда он последний раз был здесь, они...

Дилан глянул через ее плечо, осмотрел квартиру, словно видел впервые. Ясно, он не помнил, как приезжал сюда.

Эмма поспешно выбросила из головы эти мысли. Интересно, что он подумал об ее квартирке с двумя спальнями в старом жилом квартале Санта-Моники? Ни видов на океан, ни модной дорогой мебели, ни современной кухни. Зато квартира принадлежит ей. Что очень нравится Эмме.

– Может, в другой раз, – вежливо отказался он. – Нам уже пора.

Она заперла квартиру. Дилан взял ее за руку и повел через двор к лимузину, припаркованному у обочины.

– Мне пока не разрешают водить.

Впрочем, ей не показалось, что водитель и лимузин для него внове.

– Еще раз спасибо за то, что согласилась поехать.

Ее снова поразила его искренность.

– Не за что. Собственно говоря, мне не терпится увидеть детей.

Он смотрел на нее, ожидая большего.

Эмма пожала плечами:

– Просто мое детство не было идеальным. Если я смогу что-то сделать для этих ребятшек, даже в качестве постороннего наблюдателя, буду очень рада. А как ты? Это твое первое появление на публике после...

– Несчастливого случая?

Он сжал губы и вздохнул:

– Скажем так, я рад, что ты здесь.

– Хотя вся команда ждет тебя там?

– Мой агент и секретарь – прекрасные работники, не пойми меня неправильно. Но они видят меня с одной стороны. Потеря этих дней жизни и потеря Роя поставили меня в невыгодное положение, к чему я не привык. В моей книге жизни появились пропущенные страницы.

Эмма могла бы заполнить некоторые страницы, если бы нашла в себе мужество.

Он потянулся к ее руке, положил их ладони с переплетенными пальцами на сиденье между ними.

– У Брук есть веская причина сбежать сегодня с корабля.

Я рад, что ты не последовала ее примеру.

– Я и не собиралась.

– Знаю. Поэтому и попросил тебя поехать со мной. Я могу на тебя рассчитывать.

Они добрались до детской больницы, прекрасного современного здания с белыми мраморными стенами. Лимузин остановился на круглой подъездной дорожке, ведущей к входу.

– Ну, ты готова к шоу?

Несколько новостных команд, подобно стервятникам, уже ожидали у входа, лихорадочно щелкая камерами еще до того, как водитель вышел из лимузина. Дилан становился сенсацией, куда бы ни приезжал, и его первое появление на публике после несчастного случая стало темой для газетных заголовков. Она узнала Даррена, агента Дилана, и его секретаря Рошелл, тоже ожидавших у дорожки.

– Я готова, – объявила Эмма с большей уверенностью, чем чувствовала на самом деле.

Дилан выждал две секунды, вздохнул, словно набираясь сил, и кивнул водителю, державшему руку на дверной ручке.

Дверь открылась, камеры защелкали снова. Дилан вышел, помахал собравшимся и протянул руку Эмме. Она тоже вышла, и он немедленно потащил ее вперед. Кто-то из руководства больницы вышел их встречать. Они пожали друг другу руки, пока охранники делали все возможное, чтобы никто из папарацци не последовал за ними в вестибюль. Агент и сек-

ретарь пошли за ними, зорко оглядывая всех. Эмма увидела прижатые к окнам камеры и репортеров, делавших снимки.

Они прошли несколько коридоров вместе с администратором больницы Ричардом Джейкоби и другими руководителями.

Мистер Джейкоби остановился у широких дверей и повернулся к маленькой группе:

– Дилан, дети очень взволнованы встречей с вами. Мы собрали в ординаторской наших выздоравливающих пациентов. Позже мы увидимся с детьми, еще не закончившими лечение.

Эмма предположила, что он имеет в виду детей, которые еще не могут встать с постели. Ее сердце сжалось при мысли о том, что их ждет.

– А потом мы снимем промо-ролик с Бет и Поли.

– Звучит прекрасно, – оценил Дилан.

– Прошлой ночью мы показывали фильм «Первогодок» с вашим участием, чтобы все поняли, кто вы такой. Многие уже знали о вас. Эдди Ренквист – запоминающийся персонаж.

Детский фильм не принес Дилану никаких наград. Зато он приобрел большую детскую аудиторию, кроме того, эта роль была одной из списка десяти любимых у Эммы.

– После вас, – сказал мистер Джейкоби, и они вошли в большую комнату, битком набитую детьми всех возрастов, сидевшими на стульях для взрослых, с широко раскрытыми

глазами и улыбками до ушей.

Все стали махать Дилану. Тот, не выпуская руки Эммы, пошел вперед и сумел найти слова для каждого ребенка. Младшие называли его Эдди и расспрашивали о бейсболе, словно он действительно спортсмен, подобно герою фильма. Правда, Дилан прекрасно разбирался в бейсболе, хотя всегда напоминал им, что всего лишь играл роль. Однако это понимали далеко не все. Девочки строили ему глазки. Те, кто постарше, твердили, какой он крутой и как они его любят, младшие хотели пожать ему руку или обнять.

Дилан старался обнять всех желающих и смеялся с детьми, пожимал руки и цитировал реплики из своих фильмов. На выбритых головках некоторых малышей рос тонкий пушок. Этим счастливицам повезет вернуться домой и начать нормальную жизнь. На ком-то были корсеты или гипс на ногах. Несколько ребятишек сидели в инвалидных колясках. Но все с радостью приветствовали Дилана. Он был добр к ним и умудрялся часто вовлекать в разговор Эмму:

– Это мой друг Эмма. Она устраивает вечеринки и много знает обо всем на свете.

– А вы когда-нибудь устраивали бал Золушки? – спросила девочка помладше.

– Конечно! Золушка. Красавица и Ариель – мои друзья. Ее немедленно окружили смеющиеся малышки и засыпали вопросами.

Дилан поймал ее взгляд и, кивнув, продолжал обходить

комнату. Только когда поприветствовал каждого, он вышел вперед и спросил, не хотят ли они спеть несколько песен.

– У Эммы прекрасный голос, и она знает много песен.

Собственно говоря, она немного умела развлекать детей, хотя это явилось для нее неожиданностью.

Эмма запела для малышей песни Тейлор Свифт и Кэти Перри и песню из «Замороженного». Наконец мистер Джейкоби дал знать, что их время вышло. Дилан подошел к секретарю, та вручила ему пакет с карточками.

– Спасибо за то, что дали мне шанс познакомиться с вами, – обратился он ребятишкам. – Сейчас я снова обойду комнату и раздам контрамарки на фильм для вас и ваших родных.

После этого их повели к лифту на третий этаж, где в кроватках лежали тяжелобольные дети. Эмму поразило, как они были счастливы, несмотря на лысые головы, трубки от капельниц и проводки. Безоговорочное почитание и искреннюю радость согревали и одновременно разрывали сердце. Эмма посылала безмолвные молитвы за всех детей, ужасаясь тому, что жестокая болезнь не щадит даже совсем юных. Зато дух ребятишек был не сломлен, и многие взрослые, включая ее, могли бы поучиться их радости и благодарности.

Дилан не делал разницы между этими и остальными детьми. В его глазах не было жалости. Только дружелюбие и доброта. Сейчас он был одним из них, рассуждал о фильмах, бейсболе и родных.

– Очень тяжело осознавать все это, – пробормотал он, когда они вышли в коридор.

– Какие чудесные дети.

– И как жутко, что им приходится терпеть все это дерьмо. Они лишены детства.

Он страдает детям? Кто бы мог подумать!

Но теперь Эмма знает это. Видела собственными глазами и кое-что поняла в характере Дилана сегодня. Его сострадание к менее удачливым поразительно.

– Ш-ш-ш-ш. Не хочешь же ты разрушить мой имидж? – ухмыльнулся он.

– Боже. Только не я.

Агент и секретарь позвали его. Он извинился, отошел и вернулся с хмурым лицом:

– У малыша Поли, который должен был сниматься в ролике, снова рецидив. Он недостаточно здоров, чтобы сейчас сниматься. Они просили меня сделать ролик либо с Бет, либо с другим ребенком. Ну или подождать Поли. Операторы уже здесь, все готово. Беда в том, что Поли так этого ждал! Говорят, он ни о чем другом целую неделю говорить не мог!

Дилан провел ладонью по лицу.

– Что ты об этом думаешь?

Он просит совета?

Эмма не знала о тонкостях съемки или стоимости ролика, но для Дилана у нее только один ответ:

– Я бы подождала Поли. Думаю, это подстегнет его выздо-

рование, тем более теперь ему будет чего ждать.

Дилан широко улыбнулся. В его глазах мелькнуло облегчение.

– Я тоже так считаю.

Он нагнулся и поцеловал ее в щеку:

– Спасибо.

И отвернулся, прежде чем успел заметить ее потрясенное лицо.

Он снова поцеловал ее!

Должно быть, дело в окружении. В детях. В том добре, что он сотворил сегодня, облегчив их жизнь. И ни в чем больше.

Когда через несколько минут они вышли из больницы, стервятники прессы уже поджидали. Делали снимки и засыпали Дилана вопросами, хотя не могли прорваться за канаты ограждения. Эмма стояла позади с Дарреном и Рошелл, отмечая, как прекрасно Дилан справляется с ситуацией. Повелительно подняв руку, он объявил:

– Сделаю короткое заявление. Как видите, я здоров иправляюсь. Очень скоро вернусь к съемкам, но сегодня дело не во мне, а в прекрасной работе больницы для детей. Доктора и сотрудники больницы преданы своему делу и готовы отдать ему всю душу. Мы надеемся обратить ваше внимание на больницу «Чилдренз уэст». Зайдите на их сайт, посмотрите, чем можно помочь этим храбрым детям. Спасибо.

С этими словами Дилан усадил Эмму в лимузин. Не успела она пристегнуться, как машина тронулась с места.

– Вот это да, – выдохнул он, и она впервые заметила капли пота у него на лбу.

– Дилан, ты в порядке?

Он откинулся на спинку сиденья, пристегнул ремень и прислонился затылком к подголовнику.

– Бывало и лучше.

– Голова кружится?

– Нет, просто все это какое-то безумие. Никак не приду в себя.

– Это вполне понятно, Дилан. Тебе многое пришлось пережить. Но ты справился с этим как профессионал.

Он повернулся к ней, качая головой:

– Может, мне не следовало привозить тебя сюда. Твое фото появится на первой странице нескольких дрянных таблоидов.

– Я слышала вопросы о рыжей.

С губ сорвался истерический смешок, больше похожий на икоту. Она жила в Лос-Анджелесе достаточно долго, чтобы понять, насколько наглыми могут быть папарацци.

– Я заметила, что ты их проигнорировал.

– Да, пусть гадают!

Можно держать пари, они никогда не догадаются, что Эмма стала для Дилана Макея девушкой на одну ночь. И он об этом не помнит. Вот это действительно история для таблоидов!

– Спасибо за то, что поехала со мной сегодня. Мне это

очень важно.

Она его названная сестра. И не возражает против этого. Во всяком случае, не сегодня.

– Знаешь, я тоже рада, что поехала. А если при этом помогла тебе в процессе, это дополнительный бонус.

– Помогла.

Дилан подался к ней и нежно поцеловал. Поцелуй словно задержался на губах. Он отодвинулся и закрыл глаза.

– Спасибо.

Она совершенно уверена, что названные сестры не получают таких поцелуев.

Правда, она не слишком помнила его поцелуи.

И это убивало. Мужчин вроде Дилана девушка не должна забывать, пусть даже перед этим перебрала мохито. И даже в блэкаут.

Вечеринка Монталво прошла без сучка и задоринки, если не считать одного буйного гостя, перепившего мартини и упавшего с газона верхнего уровня. К счастью, он пролетел только пять футов и упал на бордюр из самшита, который ужасно колелся, зато прервал падение и предотвратил более тяжкие повреждения. Ставший причиной суматохи мужчина мгновенно протрезвел и удрал, поджав хвост, как щенок. Веселье между тем продолжалось.

Эмма гордилась вечеринкой на пятьдесят человек. Кроме того, их компанию тут же нанял один из гостей – театраль-

ный продюсер – для организации подобного мероприятия. Словом, ночь триумфа!

Последние несколько недель Эмма трудилась не покладая рук. Брук после свидания с Ройсом была не способна думать ни о чем, и с тех пор они виделись еще трижды. Эмма не возражала против дополнительных обязанностей, если не считать того, что невероятно устала, иммунитет снизился и она умудрилась подцепить от подруги вирус. Теперь обе чувствовали себя неважно. Правда, Брук всего лишь шмыгала носом и чихала, а у Эммы еще и расстроился желудок. Она несколько дней не могла даже смотреть на еду, и сейчас мысль о том, чтобы что-нибудь съесть, кроме фруктов, конечно, была невыносима. А до большого турнира по гольфу оставалось всего четыре дня.

– Эмма, возьми себя в руки, – убеждала она себя, ложась на кровать и моля Бога дать ей силы. На экране появилась реклама большого толстого гамбургера, а она не успела отвернуться.

– О боже!

Желудок мгновенно взбунтовался, ноги запутались в простынях, когда она пыталась выбраться, чтобы бежать в ванную. Бросилась на колени и склонилась над унитазом. Как раз вовремя! Желудок сжался.

Превосходно! Просто превосходно!

Пустив воду, Эмма бессильно обмякла. Ничтожная энергия, сохранявшаяся в ней с утра, вся вытекла. Нет, желудоч-

ный грипп ее не сломит! Она не пропустит большое благотворительное мероприятие!

Схватившись за раковину, Эмма с трудом поднялась. Кружилась голова, и она едва не упала, но удержалась на ногах.

– О'кей, Эмма, ты можешь это сделать.

Она осторожно отступила от раковины. Карусель в голове остановилась.

«Спасибо вам, боги гриппа!»

Однако секунду спустя желудок скрутило вновь.

Эмма схватилась за живот и метнулась к унитазу.

Рухнула на пол, прежде чем ее опять вывернуло наизнанку, пока в желудке ничего не осталось.

Час спустя, кое-как добравшись до кровати, содрогаясь всем телом и умирая от слабости, она схватила мобильник и набрала Брук.

– Привет, – прохрипела Эмма.

– Что случилось?

Брук слишком хорошо ее знает.

– Мне паршиво, Брук. Не могу встать с постели. Грипп.

– О, Эм, мне так жаль! Я заразила, а теперь тебе придется отдуваться. У тебя ужасный голос.

– С желудком немного легче, хотя час назад все было кошмарно. Я так устала. Попытаюсь завтра прийти в офис, но позже.

– Ничего подобного. Тебе нужно лежать в постели весь день и отдыхать. Я со всем справлюсь. Ты же знаешь, у нас с

этим благотворительным мероприятием все идет по расписанию. Нужно только уладить кое-какие мелочи. Отдыхай и выздоравливай, чтобы в пятницу быть на высоте.

– Ладно, думаю, ты права.

– Спи. Это лучшее для тебя.

– Спасибо. И да, Брук, я никак не могу пропустить этот уик-энд.

– Я приеду позже и привезу тебе суп.

– Только не это. При мысли о еде у меня все внутри переворачивается.

– Хорошо. Позвоню позже.

Положив трубку, Эмма уткнулась лицом в подушку, закрыла глаза и проспала целый день. Проснувшись она, залитая тусклым светом ночника на противоположной стене. Заморгала глазами, приходя в себя. За окном было темно, но она в безопасности, надежно защищена. С ночи блэкаута Эмма круглые сутки держала ночник включенным, чтобы не оказаться в полной темноте. Кроме того, в спальне целая полка с запасом свечей, ароматических и обычных. Не важно, главное, чтобы освещали комнату. Она брала их с собой, даже когда путешествовала. Так, на всякий случай. А в сумке лежал крохотный фонарик. Конечно, можно пользоваться соевым, но батарейки иногда разряжаются, а этим она рисковать никак не хотела.

Посмотрев на мобильник, Эмма увидела, что сейчас двадцать пять минут восьмого. Вот это да! Она проспала девять

часов. Странно, совсем не отдохнула. И не голодна. Опять при мысли о еде ее тошнит!

Позвонила Брук, они поболтали полчаса, обговаривая детали мероприятия: обед, танцы, бесшумный аукцион и вещевая лотерея. За две тысячи долларов с головы и при ожидавшихся ста пятидесяти гостях приходилось думать о каждой мелочи.

– Увидимся завтра, Брук, – оптимистично заверила Эмма на прощание. Желудок вел себя почти нормально, и она решила, что худшее уже позади.

Однако к утру следующего дня она поняла, что не права. Ее дважды вывернуло, прежде чем стало легче. Она умудрилась добраться до офиса, но Брук, увидев ее мучнисто-бледное лицо, велела ехать назад и ложиться. У Эммы не хватило сил протестовать.

К утру четверга ничего не изменилось. Утро она провела в ванной. Рядом с новым лучшим другом. И тут ее стали одолевать подозрения. А вдруг это не грипп? Да-да, нечто другое. Более постоянное. То, чего не излечат ни горячий суп, ни отдых.

Забыв обо всем, Эмма проигнорировала очередные спазмы в желудке, быстро оделась и побежала в ближайшую аптеку. Вернувшись, помочилась на полоску. Потом на другую... И третью. Но всякий раз получала одинаковый результат.

Пришлось изучать тему, которая казалась бесконечно далекой от нее.

Зато теперь появилась уверенность, что это не так. Все симптомы налицо.

Она беременна.

Дитя блэкаута.

И отец – Дилан Макей.

Глава 3

– Ты пытаешься спрятать улыбку, Брук. Меня не одурачишь.

– Я вовсе не пытаюсь дурачить тебя, Эмма. Думаю, это круто. Ты и мой брат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.